

Приношение Люциан

15.11.06

Не по замыслению Бояна

Ораториальное приношение Д.С.Лихачеву

...Начяти же ся тои песни по былинамь сего времени, а не по замыслению Бояню...

К столетию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева нельзя вообразить лучшего музыкального приношения, нежели оратория Люциана Пригожина "Слово о полку Игореве". Сорок лет назад на премьере (тогда первая часть оратории "Поход" прозвучала под управлением В. Н. Минина) автораждал, по его воспоминаниям, "самый олушительный успех в жизни. Видно, в произведении заключалось что-то новое, свежее... Ни до, ни после "Слова" такого не случилось. Меня вызывали бесконечно... Чем особенно дорого мне "Слово"? Оно для меня - точка отсчета. После него написаны многие произведения - одни из них лучше, другие хуже, но это мои произведения. К этому времени предельная скупость в выборе средств стала моим принципом..."

Там же, в книге воспоминаний "Минувшее", Пригожин рассказывает о замысле любимого произведения. Он задумал "не обычную ораторию с хором и оркестром, а некое действо. Оркестра не надо, достаточно небольшого ансамбля, но тщательно подобранного. Только низкие хоровые голоса - альты и басы - и два солиста-корифея". Главное, композитор понял, что "музыку надо писать на текст подлинника". И даже поместил в партитуру собственный акриритмический перевод "Слова" - для сведения исполнителей и на случай, если они не решатся петь древнерусский текст. Д.С.Лихачев, одобравший перевод, поддержал композитора в его стремлении к подлинности: "Я счи-

таю, что только современным языком можно создать впечатление XII века. Вот Бородин. Я люблю его "Князя Игоря". Но ощущения глубокой древности нет. Романтическая музыка."

Что ж, ведь и неизвестный автор "Слова" призывал повествовать "по былинам сего времени". Для композитора, не склонного к какой бы то ни было стилизации, это означало отказ от любой архаизации музыкального языка - будь то знаменный распев или речитативы в духе Могучей кучки. Только современные средства выразительности (добавлю, на момент создания оратории, в середине 60-х, самые современные!) востребованы Пригожиным. Но они настолько огранично сливаются с образной, поэтической природой "Слова", что при всей своей сложности не вызывают отторжения даже у неискушенной публики. Так было на уже описанной сорокалетней давности премьере одной первой части, так было и на этот раз, когда оратория прозвучала полностью вновь после почти тридцатилетнего перерыва. Концерт "Музыкальное приношение" был организован Фондом Лихачева и фондом "Петербургское наследие и перспектива" в рамках IV фестиваля "Почетные граждане Санкт-Петербурга". Разумеется, в зале были и музыканты, которых привлекло исполнение оратории, но овации, какими музыку Пригожина встретила именно широкая аудитория, дорогого стоят.

А от профессора консерватории я услышал редкое признание: "Мы, конечно, и прежде сознавали и композиторский "ранг" Пригожина, и масштаб его дарования, и достоинства

"Слова". Но, мне кажется, мы только сегодня догнали его музыку". Как это переключается с девизом умного, терпеливого читателя, зрителя или слушателя, который мы находим в "Книге беспокойств" самого Дмитрия Сергеевича Лихачева: "Красоту нужно разгадывать. Она не дается прямо в руки!" Музыку Пригожина нужно (хочется) слушать не один раз; она вознаграждает за стремление проникнуть вглубь. "За ее такой несколько шероховатой поверхностью, незатертой, незаезженной, незализанной - вот за этой поверхностью всегда мы ощущаем первозданную свежесть... Этой музыке суждена долгая жизнь" (из выступления Е.А.Ручьевской, автора монографии о Люциане Пригожине, на музыкальном собрании памяти композитора, состоявшемся в Фонде культуры в октябре 1994 года).

Успех оратории - во многом заслуга исполнителей: Хора Академической капеллы Санкт-Петербурга, камерного ансамбля, замечательных солистов (Людмила Сиденко и Петр Мигунов), спаянных и одушевленных дирижером Владиславом Чернушенко. Общее мнение всех, кто помнит предыдущие исполнения оратории, нынешнее - едва ли не лучшее! Величественная древнерусская архитектура, фрески и иконы гениальных мастеров - все то, что, по мнению академика Лихачева, незаслуженно именовали до поры до времени "культурой великого молчания" - словно оживают в музыке Пригожина. Отнюдь не цитируя далекие пласты знаменного распева или подлинный фольклор, композитор каким-то чудесным образом постигает и древ-

ний обряд, и ритуал, и воинские кличи, и торжественное славление... Полуречевое интонирование, идущее от былинных сказителей, равно как и "модернистские" (для 60-х годов!) приемы письма - сонористика (говор, шепот, скандирование и клики хора), алеаторика (свободные импровизации инструменталистов и певцов в четко отграниченных "квадратах"), переплавлены, "вмонтированы" Пригожиным в его собственный скупой и аскетичный композиторский стиль.

Потрясают батальные эпизоды: это не развернутые "картины маслом", наподобие, скажем, "Сечи при Керженце" Римского-Корсакова или "Полтавского боя" Чайковского, а графически скупая звукопись - не только инструментальная, полная необычных тембровых находок, но и хоровая, словно "очеловечивающая" битву. В память врезаются сквозные музыкальные темы Пригожина - такие, как героическая фанфара трубы или угрюмый инструментальный речитатив, звучащий мрачным предзнаменованием. Единственный лирический эпизод - "Плач Ярославны" - впечатляет все тем же суровым складом музыки: это не столько душевное излияние героини, сколько предначертанный обычаем ритуал. Но сколько в этом внешне сдержанном ритуальном плаче скорби и женского величия - величия жены князя-воина! Воздадим должное прозрачности Д.С. Лихачева, ставшего "крестным отцом" оратории Пригожина, и выразим надежду на ее счастливую концертную судьбу.

Иосиф РАЙСКИН
Санкт-Петербург

Культура. - 2006. - 2-15 нояб. - с.13